

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

**МИХАИЛ
ЛАНЦОВ**

ПОМЕЩИК

КНИГА ТРЕТЬЯ

РАТНИК

МОСКВА
2022

ЯУЗА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л22

Ланцов, Михаил.

Л22 Помещик. Книга третья. Ратник / Михаил Ланцов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2022. — 352 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-04-165312-5

Третья книга из цикла «Помещик» от признанного мастера жанра! Вопреки сопротивлению врагов и саботажу «друзей» юный помещик Андрей Прохоров выжил. Освоился, отбилсЯ, создал приличное снаряжение и оружие, обзавелся соратниками. Стал моральным авторитетом в Туле и поместном полку.

Но завистники не дремлют — Андрея с небольшим отрядом отправляют в дальний поход, который должен закончиться трагедией. Против него стягиваются татарские и ногайские отряды со всей степи. Они думают, что Прохоров — дичь, а они — охотники! Но довольно быстро молодой ратник показывает степнякам, что загнанный зверь очень опасен!

А пока крохотный отряд русских воинов кружит по приграничью, отбиваясь от многочисленных супостатов, над головой Андрея потихоньку сгущают тучи куда более страшные. Ибо он невольно все больше и чаще привлекает к себе интерес влиятельных людей из Москвы. Включая царя Иоанна свет Васильевича...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165312-5

© Ланцов М.А., 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

1553 год, 2 декабря, Тула

а ты спятил! — воскликнул Панкрат и хлопнул по столу.

— Я?! — удивился Андрей, смотря прямо в глаза новгородскому купцу, прибывшему с родственником Агафона. — Так мне уйти?

— Нет! — хором воскликнули все присутствующие.

— Тогда какого лешего вы мне голову морочите?! — рявкнул Андрей, заводясь напоказ.

— Хорошо, — примирительно подняв руки, произнес Агафон. — Давайте все успокоимся.

— Эта грамота, — указал Андрей на бумагу, лежащую на столе, — дает МНЕ право платить мыт¹ лично царю. Третью от всего, что я получу торгом. Мне,

---

¹ Мыт — место, где взимались торговые и проезжие пошлины через заставы у городов и крупных селений, а также общее название пошлин. Устанавливались правительством с XII века. С XVI века заменяется замытом (вместо мыта) — новым типом пошлины с торговли, провоза и приезда (привезенных денег), который нередко продолжает по инерции называться мытом. Размер замыта устанавливается в 1/200 суммы товара/денег. Немного само по себе. Но застав было очень много, из-за чего мыт/замыт взимался многократно. Кроме того, мыт/замыт взимался не с прибыли, а с оборота. Упразднены в основном Торговым уставом 1653 года.

не вам. А значит, никто не посмеет требовать с меня сверх этого.

— Вот именно! Тебе! — воскликнул Панкрат. — Нам-то что с того?

— А вы хотите платить мыт как обычно?

— Мы все равно будем его платить.

— В том-то и дело, что нет. Смотрите. Официально торг веду я. Вы выступаете как нанятые мною купцы, ибо лично торг вести мне неуместно. С вами я заключаю ряд, определяющий вашу долю в прибыли.

— И ты с нами будешь по всей Руси бродить? А как же твоя служба?

— Зачем бродить?

— Как зачем? — удивился Панкрат. — Как мы в Новгороде станем доказывать твое право на мыт лично царю?

— Мы продавать будем тут. В Туле. Церковь же готова покупать краску. И ей все равно — тут или в Новгороде. Так ведь? — спросил он у отца Афанасия.

— Истинная правда, — степенно кивнул священник.

— А значит, никуда ее везти нет необходимости. Я товар привожу в Тулу. Вы его продаете в Туле. Получаете деньги. Царю откладываем его долю. Церкви — ее. Остальное — мое и ваше.

— А если тебя в городе не будет во время торга?

— Мы составим ряд на бумаге в трех списках. Один будет у вас, один у меня, один у церкви. В ряде том укажем, что действуем на основании царской грамоты. И если меня не будет рядом, то отец Афанасий или иной представитель церкви все подтвердит.

— Без всякого сомнения, — вновь кивнул отец Афанасий.

Он действовал без санкций митрополита. Однако понимал — тот возражать не станет. Так как совсем недавно нарочным передал приказ — оставить Андрея в покое. Но ведь в данном случае речь шла о выступлении в роли арбитра. За плату. Да еще и по инициативе самого Андрея. Что, безусловно, будет поддержано церковным руководством.

— А светильное масло? А иные товары? Их тоже церковь будет выкупать?

— Если пожелает, но не обязательно.

— Тогда как мы их станем продавать? Ведь мыт за торг с нас в Новгороде или иных местах спросят. А грамоты твоей под рукой не будет, да и на ряд наш никто в иных местах может и не посмотреть. Это тут тебя знают. А там?

— Беды в том великой нет...

— Как нет?! — перебил его Панкрат, но Андрей вскинул руку в останавливающем жесте.

— погоди. Беды в том великой нет. Вы возьмете те товары малым числом для показа. И если покупателя они будут устраивать, то заключите с ним ряд от моего имени. Возьмете деньги и привезете сюда, в Тулу. Заберете товар. И увезете ему. Торг пройдет тут. А там — передача, без всякого торга. А значит, и мыт братъ не с чего.

— А за провоз товара?

— Так вы ведь не на торг везете.

— Когда это кого-то волновало? — фыркнул Панкрат, но уже не так раздраженно.

— Тогда мы будем писать грамотку о том, что товар сей куплен в Туле и мыт за то уже уплачен лично

царю. Сразу. Весь. Вряд ли после таких слов власти на местах станут сильно голову морочить. Чай, не прохожий случайный, а человек, ведущий дела лично с Государем, и обижать его не след.

— А не лихо берешь? — после долгой паузы спросил Панкрат. — Не боишься, что с тебя Государь спросит за такое самоуправство?

— Чтобы он не спросил, нужно нам не только о прибытках своих думать, но и о делах державных. Мы торгуем тут, в Туле, прикрываясь грамотой Государя? Торгуем. А значит, нам нужно заняться всяческой поддержкой местного полка городского.

— Поддержкой?

— Создадим общество соблагоденствия воинства тульского. И станем в складчину туда давать часть доходов. А из тех денег помогать безвозмездно тем бедным воинам, что служат честно, но поиздержались от войны или разорения.

— А не выходит ли, что мыта больше, чем обычным делом? — поинтересовался Агафон.

— А сколько выходит?

— Ну... Царю ведь треть надо отдать.

— Так треть прибытков, а не треть вырученных денег. И церкви нашей тоже с прибытков десятую долю давать. Я беру половину десятой доли. Остальные пятьдесят две сотых доли от прибытка — ваши... — Здесь Андрей, конечно, лукавил. Потому что «стоимость товара» он забирал во многом себе. Из-за чего получал не только свой процент с прибыли, но и стоимость товара. И если со светильным маслом то было и так ясно, то с краской — нет, но болтать о том он не спешил. — И плюньте мне в лицо, если на постоянных торговых путях от Новгорода

ПОМЕЩИК. КНИГА ТРЕТЬЯ. РАТНИК

до Тулы без хитростей вы платите в мыт меньше семидесяти сотых от прибýtка. Так что даже если мы станем долей по пять с сотни откладывать в казну этого общества, не обнищаем. И в пользе будем заметной.

— Восьмидесяти, — поправил Андрея Панкрат. — Если все честно делать, то мыта за торг и проезд мы теряем восемь-девять десятых от всех прибýtков. Правда, не от Тулы, а от Москвы. Но...

— Вот! — поучительно поднял палец Андрей. — Очень важно, чтобы Государь наш увидел — мы не только мошны ради своей стараемся, а стремимся укрепить пограничье державы его. Притом добровольно о ней печемся. Правда, в таких делах нужно держать нос по ветру, чтобы не потерять голову...

Часть 1

ИСПАНСКИЙ ГАМБИТ¹

— Снова обыск? Сейчас я понятого позову.

— Не надо понятого. Мы просто посидеть пришли. В засаде.

к/ф «Ширли-Мырли»

Глава 1

*1554 год, 12 января, вотчина Андрея
на реке Шат*

Давай! — крикнул Андрей, и дядька Кондрат, прищпорив коня, рванул вперед, удерживая копые под мышкой.

К его седлу уже была прикреплена бечевка с упором для копыя, что позволяло наносить им таранный удар даже при достаточно высокой посадке в седле. И не опасаясь при этом вылететь. А шпоры, которые нацепили на сапоги, облегчали разгон.

Дядька Кондрат, как и многие поместные дворяне, подражал степным воинам и не носил шпор. А для понукания своего «волосатого мопеда» применял нагайку, висящую у него обычно на кисти. В принципе решение. Беда была лишь в том, что во время боя, когда твои руки заняты оружием, применять нагайку становится категорически сложно.

---

¹ Испанский гамбит — вид шахматного дебюта, при котором белые, добровольно отказываясь от рокировки, стремятся опередить противника в развитии и создать сильный центр.

Вот и получалось, что во время бегства или преследования подгонять коня не представляло особых сложностей. Но не в бою. Из-за чего Андрей и настоял на том, чтобы все, кто пошел под его руку и готовился для конного боя, нацепили изготовленные Ильей шпоры.

Разгон.

Переход на рысь, а потом в галоп.

И удар.

Специальная мишень на поворотном рычаге оказалась поражена. Скорость же, которую дядька Кондрат набрал, позволила ему проскочить вперед быстрее, чем по его спине ударил мешок с песком. Этакий противовес на втором плече поворотного рычага. Он выполнял две функции. С одной стороны, обеспечивал «массу цели», чтобы при тренировке привыкать бить по мишени, которая бы сопротивлялась выбиванию из седла так же, как и реальный степной всадник. С другой стороны, этакий регулятор скорости.

— Вот видишь! — воскликнул Андрей. — Видишь! Получилось!

— Да уж... — согласился Кондрат и поежился. Предыдущие несколько десятков раз он получал по загривку мешком с песком. Прежде всего из-за того, что не разгонялся должным образом. Не привыкший он к шпорам.

Из-за шпор, кстати, пришлось удлинить лямки стремян и понизить посадку. Да, крутиться-вертеться стало несколько сложнее, но оно того стоило. Во всяком случае, по мнению молодого вотчинника...

— Опять вые...ваешься? — тихо спросила супруга у Андрея, осмотревшись перед этим по сторонам, чтобы никого рядом не было.

— А? — не сразу понял он.

— Я говорю, опять против общества идешь? Никто ведь так не воюет ныне.

— Не воюет. Но и шишек им полный зад да кирпичом по... хм... лицу, — пожал плечами Андрей. — Сами себе злобные буратины. Что мне с них?

— Ты снова будешь белой вороной. Забыл, чем это чревато?

— Слушай. У меня просто нету выбора.

— Выбор есть всегда.

— Но частенько альтернатива настолько хуже, что ею можно пренебречь.

— Почему хуже? Воюют же. И недурно воюют.

— В том-то и дело, что дурно. Нельзя победить водяного в реке по его правилам...

— Чем же эта твоя затея лучше?

— Понимаешь, — произнес Андрей, переходя на нормальный русский язык и, в свою очередь, оглядываясь по сторонам, — примерно век спустя Алексей Михайлович в куда более тяжелых для поместного войска условиях начнет создавать отряды конных копейщиков. У многих из них не будет даже панциря. А под седлом у них окажутся не мерины и даже не меринки, а меринцы, то есть крупные пони. Но даже такие конные копейщики покажут себя удивительно эффективными против степи. Почему? Бог весть. Может, из-за организованности и слаженности. Может, из-за склонности к решительному натиску. Может, еще почему. Но ими постоянно затыкали дыры по всему югу, а нередко и против Литвы использовали для борьбы с их поместными, что по татарскому образцу воевали. Ну или, как тогда говорили, по казачьему.

— Почему же тогда не произошло всеобщего перехода к такому бою у конницы?

— Потому что, — развел руками Андрей. — Конные копейщики по честности службы стояли ниже обычной поместной конницы, что держалась за свои традиции боя и вооружения. Оттого в них шли только самые бедные и разорившиеся помещики. И только лишь поднявшись, старались уйти обратно — в поместную службу. Да чего и говорить — когда в Новгороде Алексей Михайлович попытался развернуть свой полк крылатых гусар, даже в него набрать людей оказалось проблемой. НАМНОГО меньшей, но проблемой.

— Не понимаю... — покачала она головой. — Ты что, думаешь, что люди дураки?

— Просто ленивые жопы. И лень эта не всегда в делах. Иной раз глянешь — труженик, а приглядишься — он просто ленится подумать и оптимизировать свой труд. А потому и упахивается до потери пульса.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что, по моему мнению, человек — существо едва разумное. Я бы даже сказал — условно разумное. Мозг вроде бы есть, но пользоваться им он не любит. Ленился. И обожает держаться всего привычного, обычного и естественного для него. Любое изменение кажется злом. Особенно если имеет место страшный дефицит всего и вся, и нужно выживать. Казалось бы — кризис. Нужно шевелиться. Но нет. Именно в кризисных условиях самые крепкие и твердолобые ретрограды, ибо любая ошибка может стоить им жизни. Поэтому помещики этой эпохи, как и крестьяне, очень долго держались традиций. И Петр не зря их ломал через колено.

— Тем более! Зачем ты прешь против ТАКОГО мощного течения?

— Потому что у меня нет выбора. Если я стану играть по их правилам, то проиграю.

— А если пойдешь против системы, то выиграешь? — скептически выгнула бровь Марфа.

— Милая, — произнес Андрей и ласково огладил ее животик, — я совсем иначе действую, нежели Алексей Михайлович.

— Да ты что?

— Да. — не поддался на провокацию Андрей. — Я не пытаюсь сформировать конных копейщиков вне системы поместной службы. Я пытаюсь возродить их внутри нее. Ведь формально, в самом начале, первые десять-двадцать лет своего существования поместная служба и опиралась на конный, копейный бой.

— И кто из аборигенов это знает?

— Главное — это подход. Они держатся за старину. За традицию. Пусть даже этой традиции едва два поколения. Вот я на это давить и стану. Дескать, отец мне о том сказывал, что на самом деле правильно вот так.

— А откуда он о том узнал?

— Так ему его отец, а тому его отец.

— Дед твой жив, и его могут спросить. Оба деда.

— Ну тогда моему отцу дед его сказывал. Сразу, минуя отца. Тот точно уже мертв. Вот. Что, дескать, были времена, когда...

— Ох и скользкая эта дорожка...

— Чем же?

— Твои слова — это просто слова.

— Учитывая кругозор и образование аборигенов, любой, кто держится уверенно и демонстрирует, будто бы точно ведаёт, что делает, выглядит в их глазах знающим человеком. Особенно если ссылается на слова стариков. И лучше почивших, но славных. Ведь не новинку предлагает, а по старине доброй жить зовет. А любое прошлое — оно здесь авторитетно. И прекрасный инструмент для спекуляций.

— Это ты так думаешь.

— Доверься мне.

— Милый, мне кажется или ты уже не раз и не два вляпывался? Хочешь снова? Я тебе говорю — постарайся быть как все. Постарайся не выделяться. Тебе же не войну нужно выиграть, а нашу жизнь сытой и спокойной сделать. Твою жизнь, мою и нашего малыша, — произнесла Марфа, погладив себя по животу. — А то неровен час навлечешь на себя гнев Государя. И все. И конец.

— Милая, я знаю, что я делаю.

— Что-то не верится...

— Из-за того, что я уже несколько раз напортачил, мне остается только одно — бежать вперед. И удивлять, удивлять, удивлять. Если этого не будет, то сожрут меня. С потрохами сожрут. И тебя не пожалеют. Если повезет — в монастырь отправят. А скорее всего, просто удавят.

— Раз решил удивлять, то чего с этой фигней возишься? Где ружья? Где пушки?

— А танки? А самолеты? А автомат Калашникова? Или ты, может, мне предложишь начать с промежуточного патрона и командирской башенки? Ну а что? Прямо на шлем ее и поставлю.

— Не делай из меня дурочку. Ты же понимаешь, о чем я говорю.

— Понимаю. А вот ты, видно, не очень. Чтобы использовать огнестрельное оружие, мне нужно добиться одного условия. Точнее, двух. Да. Двух. Первое, — произнес он, отогнув большой палец, — я должен добиться определенного уровня публичного богатства. Второе, — отогнул он указательный палец, — стать достаточно авторитетным как военный специалист. То есть повоевать, и успешно повоевать. Иначе эффект от новизны окажется слишком шокирующий.

— Шокирующий? Но чем?! Вон у царя уже есть стрельцы и наряды¹ артиллерии.

— Пехотой я заниматься не могу. Это урон чести. Только конницей. Это понятно?

— Разумеется, — кивнула Марфа, — хоть и звучит дико. Пехота — царица полей.

— Это там... в наше время... А тут все иначе.

— Дикари, — буркнула она. — Ты же сам мне говорил о том, что в Европе ураганят пехотные батальоны испанцев. Вот прямо сейчас.

— Говорил. Но разве кроме нас кто-то это знает в этих краях?

— Так расскажи.

— И кто мне поверит?

— Мда... Чертова старина...

— Какая есть, — развел он руками. — Так вот. Для вооружения конницы огнестрельным оружием оно должно быть надлежащего качества. Фитильные

---

¹ Наряд — это выделение какого-то количества артиллерийских орудий для тех или иных задач.

пищали тут не подойдут. Требуются колесцовые «стволы». Вроде бы есть уже кремниевые замки, но они крайне ненадежны сейчас и стоят не сильно меньше. Вот. А один рейтарский пистолет у нас тут, в Туле, обойдется мне как снаряжение десятка помещтных всадников. Карабин — еще больше. Их же на Западе делают. В Священной Римской империи, во Франции, в Италии.

— А ты их с помощью Ильи сделать не можешь? Вместе с ним. У тебя же подходящие навыки имеются. И знания. Вы разве не справитесь?

— Теоретически, конечно, могу. Но разве это изменит оценку их стоимости в глазах окружающих? Каждому всаднику нужна пара таких пистолей. Минимум. Плюс карабин. Ты представляешь, НАСКОЛЬКО это дорого?

— Но все в Туле и так знают, что у тебя много денег. А если и нет их прямо сейчас, то ты знаешь, как их быстро достать. Или ты в этом сомневаешься?

— Много денег и НАСТОЛЬКО много денег — это две очень большие разницы. И ладно бы пистолы с карабинами. Бес с ними. Представь себе, сколько стоят орудия! Ныне эти игрушки по карману только Государю. И он трясется над ними, как наседка над цыплятами. Бронза — исключительный импорт, и дорогой импорт. Так что заводить артиллерию имеет смысл желательно с одобрения царя. Чтобы не было эксцессов. Понимаешь? Во всяком случае, нормальную. Но даже если мне сделать несколько эрзац-пушечек вроде деревянных, то для них нужен порох. Много пороха. А это все не так-то и просто, да еще и вопросов массу вызывает...

— Допустим... — недовольно произнесла жена.

— Авторитет же... он как бы не важнее денег. Как ты мне постоянно говоришь — я живу тут не в вакууме, а в коллективе. И если я начну творить всякое непотребное, вроде вооружения огнестрельным оружием, полк может меня не понять. На низовом уровне. А именно за счет уважения простых помещиков я на плаву и держусь.

— Ладно... — тяжело вздохнув, махнула рукой Марфа. — Делай как знаешь.

— Ты со мной не согласна?

— Ты можешь попасть на прием к царю. И можешь ему лично предложить перспективные идеи. А он не дурак и...

— Он не дурак, — перебил ее Андрей. — Поэтому он не готов тратить на каждого всадника поместной конницы в сорок и более раз больше, чем обычно. У него на это нет ни денег, ни земли, ни желания...

Марфа нервно дернула подбородком, но более спорить не стала. Тем более что к ним подошел слишком близко Аким. И Андрей вернулся к делам тренировки...

Еще когда он возвращался из Москвы, то прекрасно заметил взгляды старшин. И понял — второй год отсидеться в крепости ему не дадут. Поэтому по приезде в Тулу он начал искать людей. Разных. Особенно после того, как заключил первый ряд с купцами и продал через них пять гривенок ляпис-лазури.

Именно тогда к нему решили присоединиться Кондрат, Федот и Аким, отправившись на зимовку к нему в вотчину. Им ведь, по сути, идти было некуда. Только опять в долги влезать. Поместье разорено. Денег нет. Ничего нет. А тут Андрей им сам предложил погостить у него да подсобить с обороной

крепостицы. То есть вроде бы и не бесплатно харчи будут вкушать.

И не только они поехали. Годом ранее, когда он искал себе людей, было все намного сложнее. В него не верили. Да и ехать фактически в чистое поле — одно дело, и совсем другое — в пусть маленькую, а крепость. Поэтому даже при довольно остром дефиците людей найти их удалось довольно легко. И теперь он и возился с ними. Тех, кого планировал забрать с собой в намечающийся поход, Андрей дрессировал конным делам. Остальных — обороне крепости. И всех, кто хоть как-то должен будет драться, нагружал общей физической подготовкой.

Но главное — учил действовать сообща.

А еще возился с материальным обеспечением. Для чего нанял к хромому плотнику Игнату трех подмастерьев и двух — к кузнецу. И еще с десятков разных людей. Ведь дел хватало.

Кроме того, он провел с помощью Агафона весьма непростую операцию по подбору, обмену и перекупке луков. Цель была проста. Ему требовалось, чтобы у людей под его рукой оказались пусть и не самые лучшие «агрегаты», но единообразные. Во всяком случае, по натяжению и вытягу. Чтобы не к каждому луку свои стрелы делать, а одни для всех.

Женщин еще завез в крепость, ибо женских рук и раньше не хватало. Теперь же — совсем беда. А ведь эту ораву людей требовалось обстирывать, готовить еду и с прочими делами помогать. В том числе и не совсем приличными. Без секса тяжело. А острый дефицит женского внимания мог породить серьезные внутренние проблемы. Понятное дело, о таких специфических задачах Андрей не говорил вдовушкам,

которых нанимал на службу. Но это и не требовалось. Все прекрасно всё понимали. Более того — даже какие-то надежды имелись в плане устройства своего семейного счастья.

Агафон, кстати, не подвел. И полностью погасил свой долг за светильное масло, поставив в крепость запасы продовольствия, соли и фуража. Особенно ценным оказалось последнее.

С конским составом требовалось очень плотно работать. Да. Все эти «копытные» уже не жеребята. Они уже в целом выросли. Однако Андрей не терял надежд хоть еще немного их укрепить. Хорошее питание и регулярные, серьезные нагрузки не могли пройти впустую. Ну... он так думал. Ведь если человек ходит в спортзал и там не ленится, нормально питается и хорошо отдыхает, то рано или поздно он становится намного лучше развит физически. Крепче, сильнее, выносливее. Иными словами, своих «воло-сатых друзей» Андрей гонял ничуть не меньше, чем людей. И так же хорошо кормил. В надежде на то, что эти несколько месяцев не пройдут даром...

Глава 2

1554 год, 13 января, вотчина Андрея на реке Шат

— Ты чего не спишь? — тихонько спросил Андрей у супруги.

— Думаю, — шепотом ответила жена.

— О чем?

— О том, что вышла замуж за безумца.

— Это понятно. А точнее?